

Вас люблю

Каждый сам заботится о своем погребении, невозможного на свете нет». Эти последние слова Кингаса Сгинь Вода, по свидетельству Киерин, находившейся возле него, стали эпиграфом к роману Жоржи АМАДУ «Старые моряки» постскриптумом всей его жизни.

1 августа этого года две московские семьи получили e-mail из бразильского города Салвадор: дорогие друзья Марина, Таня, Лена, Вера и Лев. Спасибо за теплые слова, которые так помогают пережить горечь момента. Мы несомненно нашу утрату терпим, мужественно и с большой выдержкой. Урна с папиным прахом будет хоронена в саду, под деревом анго, которое папа с мамой посадили 40 лет назад, в обстановке сарай простой, скромной, без всякой помпы и, надеюсь, без чувства эзотеричности. Очень надеюсь, что это дерево еще сможет плодотворно и папа продолжит творить посредством дерева, по-прежнему наставя в нашей жизни. Так же тактично, как он жил и учил жить нас. А мы будем чувствовать его поддержку. Спасибо, друзья, за вашу любовь. Любовь друзей оит больше всего на свете. Мама Жоан присоединяется к моим ювам. Целую, Палома».

Это письмо дочери Жоржи Амаду адресовано тем, кто познакомился с ним в начале 50-х и не ереставал общаться на протяжении полувека. Когда-то у Амаду в Москве было полно знакомых, но после осталось всего две семьи: ера Кутейщикова с мужем Львом споватом — специалисты по латиноамериканской литературе — и ереводчица, вдова советника по культуре бразильского посольства Марина Кострицына с дочерью атьяной. Обе семьи сохранили по переписке с Бразилией.

Мы не знаем бразильских традиций, но у нас принято помнить сошедших на сороковой день. Поэтому именно сегодня мы попросили вспомнить о доне Жоржи его московских друзей.

Осень патриарха

Амаду умер за четыре дня до своего 89-летия в больнице бразильского города Салвадор, где родился жил. Диабетик, переживший коу и два инфаркта, в последние годы он если куда и выезжал из дома, то только в госпиталь. Но даже в больнице хорошо держался и наоминал журналистам, что его любимые авторы — Марк Твен и Дикенс. Журналисты понимающе кили: они знали о доне Жоржи лае то, что его любимого мопса зот мистер Пиквик. Об Амаду в бразилии вообще знали все. На пау с Пеле он последние 30 лет явл собой живое национальное доояние. Еще при жизни его имеем назвали проспек, его бесхитростно обставленный дом фотографировали для журналов, а кажий его шаг отзывался в местных зетах долгим эхом. Жена Амаду елия писала Марине Кострицыой в 80-м: «Мы купили маленький домик на берегу моря, там, где аяк. Очень спокойное место, будем там скрываться от журналигов. Всего 30 километров от города. Телефона не хотим. Там будет аше убежище».

Я больше скажу: некоторые еста общего пользования в родом Амаду штате Баия обозначатся бутыл G — начальной букери героини одного из самых знаенитых романов «Габриэла» (о ем Амаду слышал комплименты аже от Рамсы Горбачевой. Дело ыло в Москве, в «Метрополе», в 9-м). Может ли существовать бышая слава?

Помимо некрологов мир отпикнулся на смерть Амаду сообщением о будущем аукционе, на отором выставят стихотворения, аписанные им еще в 30-х годах и освященные первой жене Малыде Гарсия Розе. Их нашли родственники Матильды, скончавшейся в 86-м.

Мы тоже отличились: обнаружили российский любов бразильца, жительницу города Череповца, де в 10 классе Лена Белкова, помотров со раз поставленный по овести Амаду «Старые моряки» мериканский фильм «Генералы есчаных карьеров», поняла, что судьба решена. Девушка выучила ортугальский и в 76-м отправил ервое письмо по адресу «Бразилия, великому бразильскому писателю Жоржи Амаду». Он ответил и тех пор каждое свое письмо заершал припиской «нежный пошеуй от старика Амаду». Ему было 3, ей — 18, но общению помешала то жена. Вот вам и лав стори.

Только девичье сердце билось ря. «Нежным поцелуем» заканчилось каждое письмо Амаду: то ли

данностью. Следующая пересадка была в Нью-Йорке, где нам уже кое-что разъяснили. И только в Мехико, в ночь накануне вручения, мы переставали речь, делали ее более терпимой. И хотя сын Карденаса призывал отца отказаться от премии имени Сталина, тот заявил, что премию ему вручают не Сталин-предатель, а весь советский народ».

Жоржи Амаду в СССР любил. Член Всемирного Комитета защиты мира, в бразильской компартии он отвечал за внешние связи. И работал с душой. То и дело в Москву приезжали его посланцы, в зимнее время одетые в знаменитую амадовскую шубу, специально купленную для наших холодов и прозванную «Броненосец «Потемкин». В письме Вере Кутейщиковой, тоже познакомившейся с доном Жоржи на одном из Конгрессов мира, 15 октября 55-го, он пишет: «Дорогая Вера! Я, пользуясь услугами нашего друга Эренбурга, присылаю тебе маленький бразильский сувенир. Надеюсь, что ты получила книги, которые я тебе отправил, будет еще один посланец, который принесет твоё письмо, где мы с тобой обсудим наши проблемы, связанные с культурными отношениями».

Но самое удивительное, что любил Амаду и потом, после его выхода из компартии. Возможно, оттого, что зарубежных книг у нас в ту пору переводилось мало, а Амаду еще и писать стал увлекательно, называя себя «певцом блядей и бродяг».

Почему он расстался с коммунистами? Сам впоследствии объяснял, что понял свое истинное предназначение. И жена председателя Коммунистической партии Бразилии Мария Престос вспоми-

Нетихий дон

Жоржи Амаду до конца дней переписывался с Москвой

Жоржи Амаду на праздновании Нового, 53-го года в Ленинградском Дворце пионеров

следствии переименовал в «мою сестру». В нашу первую встречу Амаду сказал: «У тебя хорошие фонетические способности. Ты можешь выучить португальский». И даже привез какую-то тетраточку навроде учебника. Я ее полистала. А на одной из конференций он вдруг взбунтовался: почему я не могу говорить на родном языке? И произнес свою речь по-португальски. У официальной переводчицы чуть разрыв сердца не случился. Я перевела. Если честно, там переводить было особенно нечего, такие речи ведь писались как под копирку...

Я тогда работала в Союзе обществ дружбы. Конференций, фестивалей и форумов в те времена происходило столько, что мы буквально разрывались на части. А ведь переводить приходилось на самом высоком уровне. В 56-м я летела с Александровым и Орловым вручать премию бывшему президенту Мексики Ласаро Карденасу. Прямых рейсов тогда не было. Доплетев до Праги, мы узнали, что, пока были в воздухе, в Москве зачитывали доклад Хрущева XX съезду. Надо было переписывать уже заготовленную речь. Посол в Чехии «руководящих указаний» дать не мог: для него все произошедшее было не меньшей неужи-

нала, как Амаду объяснял свое решение: «Дайте мне писать».

Пожоже, Амаду было безразлично, что думают о нем в Бразилии. На Совете мира в Праге он, в то время уже лауреат Сталинской премии (все 25 тысяч долларов пошли на издание собрания сочинений Ленина на португальском), пригласил Марину Кострицыну выпить кофе: «Я хочу с тобой поладить». Они зашли в маленькую кафешку, где Амаду рассказывал, что пишет теперь иначе, и все интересовалось: «А вы меня примите?». Имелся в виду весь советский народ.

А в сентябре 72-го он пишет Кутейщиковой: «Очень рад узнать, что вам понравилась «Лавка чудес» и что советская публика также ее оценила». Амаду вообще всегда интересовался советской жизнью. Тем, что происходит в стране, бунтует ли молодежь. Еще в 50-х часто спрашивал у своей переводчицы: «Марина, скажи честно, вы на партийных собраниях недостатки обсуждаете?»

И я хочу в Бразилию, к далеким берегам

О Бразилии нам известно гораздо меньше, чем Амаду было известно о нас. Просто до неприличия мало.

Карнавал в Рио, на котором полагаются быть в белых штанах, загадочный зверь броненосец, обилие красавиц и футбольных талантов.

Лев Осоват, которому посчастливилось побывать на родине Амаду, в благополучном бразильском городе, полное имя которого — Салвадор де Баия де Толос Ос Сантос, писал: «Повелось мне и прогуливаться по площади Пелуриньо, и всходить по высоким ступеням на загроможденную карнавальными масками паперть храма Розарио дос Негрос, и лакомиться мошкой в харчевне напротив, и гулять на белоснежных парусниках в порту, и расхаживать, восторженно охая, по залам Музея религиозного искусства, и любоваться, как состязаются под звуки беримбау мастера капоэйры возле рынка Модело, и даже встречаться со жрецами кандомбле... Я, возможно, должен бы сразу пояснить, что мошка — это вкуснейшее рыбное блюдо, капоэйра — борьба и, одновременно, танец, беримбау — музыкальный инструмент, кандомбле — негритянский культ-радение, должен бы рассказать, чем знаменита площадь Пелуриньо и почему установлена карнавальными масками паперть Розарио дос Негрос... но стоит ли?»

Амаду был уверен, что Бразилия не может быть причислена к

прочим странам Латинской Америки, и настаивал на ее своеобразности: «Мы — народ смешанный, происходящий от белых — главным образом португальцев, и от индейцев и негров. Эта смесь, это скрещивание рас и кровей само по себе является потрясающим решением расовой проблемы... Я думаю, что вклад, который внесла Бразилия во всемирное развитие гуманизма, — это метисация, источник одновременно и оригинальности ее таланта, и ее жизненной силы». Оттого и женщины в Бразилии — самые красивые в мире, с ними могут соперничать разве что гватемалки. А Марина Кострицына вспоминает свое самое сильное впечатление от приезда в Бразилию: «Там живет множество украинцев, бежавших из-под оков голода сразу после революции, но каким-то чудом сохранивших советские паспорта и считавшихся нашими гражданами. Представьте себе: со всех сторон окруженные бамбуком белые, крашенные известкой мазанки, покрытые пальмовыми листьями. Светлые, подстриженные в кружок детишки, поминившие на родном языке разве что «мамку».

Все, знавшие бразильцев, отмечают, что они похожи на русских. Душевные и гостеприимные. Вот и Амаду не был исключением: всегда привозил подарки. Его, в ответ, снабжали дымковской игрушкой (Гжели в 60-е было завалили, Хохлома тоже особо не ценилась). Вера Кутейщикова вспоминает, как они принимали Амаду у себя дома еще в 67-м: «Сидели, разговаривали, все было очень просто. Правда, немного торжественности внес наш кот Паша, представившийся гостям неторопливо и церемонно. Он принадеждал к той же чердачной породе, что и «Полосатый кот» из давней сказочки, которую Амаду написал некогда для маленького сына. По аналогии с «о гату мальяду» Паша был тут же назван «о гату советику».

Я не удержалась, спросила: а чем бразильского гостя потчевали? Оказалось, ничем особенным — русскими пирогами. Ответом на мою немного разочарованную мину стали слова Льва Осовата: «Да что там Амаду... Вот, помню, к нам Габриель Маркес заходил... Так столько женщин понабежало, все чего-то мудрили, картошку в сметане варили».

Однажды, в 52-м, Амаду приехал в Москву — его тогда как раз готовили к получению Сталинской премии — в составе большой латиноамериканской делегации. Гостей отправили в месячное турне по Армении и Грузии. Среди них была красивая и знаменитая актриса. Амаду закрутил роман, скомандовал переводчице отвечать на все требования и вопросы «мы отдыхаем» и велел не беспокоить.

У Зелии и Жоржи было двое детей — Палома (названная так в честь Пикассо, по-бразильски означает голубка) и Жоан. В 53-м году после конгресса матерей, проходившего в Дании, Марина Кострицына везла в Москву большую группу делегатов. Среди них была Роза Амаду, дочь дон Жоржи от первого брака. Она так волновалась перед встречей с советской землей, что помутилась рассудком.

Грудь Серовой и штаны Корнейчука

Из Грузии, куда Амаду возили в далеком 48-м, он вынес бесконечное удивление перед умением грузин выпивать и одну из заправных речей, которую любил пересказывать, а впоследствии даже включил в свою автобиографическую книгу «Каботажное плавание». Один видный советский археолог готовил научную работу о грузинском кладбище. Он заметил некую странность, присущую надгробиям: даты жизни не совпадали с написанными на надгробиях. Скажем, выбито: родился в 1834, умер в 1904, реальной жизни его было... 7 лет. Или: родился в 1812, умерла в 1906, лишь давлять весен отпустил ей Всеволод. И только на двух, совсем убогих могилах, цифры совпадали с написанными. Негодуя, академик отплатил к смотролителю, но тот объяснил: «Разве не знаете, что в зачет идут лишь годы, отпавшие и посвя-

щенные дружбе? Все прочее — время, потраченное впустую. Это вообще не жизнь, а чистилище, а может быть, и преисподняя».

Друзья Амаду уверены, что он прожил все свои без малого 89 лет. Из письма от 24 января 74-го года: «Мы очень много думали о вас в связи со смертью Пабло. Это был страшный удар. Мы получили письмо от Матильды Престос из Каракаса, она хочет вернуться в Чили, обсудить некоторые свои имущественные проблемы. Она сказала, что, возможно, в июне она придет к нам в Баию. Каждый раз, когда нас становится меньше, старых друзей, мы должны любить друг друга еще больше. Привет и поцелуй от Зелии и старого друга Жоржи».

Самые тесные взаимоотношения в СССР связывали Амаду с Эренбургом. Он даже написал однажды: «Знать, что существуют такие люди, — то, что примиряет меня с действительностью». Как-то раз у Эренбургов собралось большое общество, помимо заокеанских гостей был Александр Корнейчук, только что приехавший из Парижа и так гордившийся новыми штанами, что все присутствовавшие до сих пор помнят, как три скотчертера Эренбурга прожевали ему в этих штанах огромную дыру. Другой раз ужинали у Симона с Го Можо, мудрецом и эрудитом, знавшим 50 тысяч иероглифов (для того чтобы читать газеты, достаточно и трех тысяч). Готовила домработница, но на стол подавала тогдашняя жена поэта Валентина Серова. Го Можо смотрел только на ее декольте: ничто так не ценится китайцами в женщине, как грудь. В конце концов Го Можо не выдержал и настолько крепко обхватил актрису руками, что пришлось применить силу.

После смерти Эренбурга Амаду, прилетая в Москву, обязательно ездил на его могилу. А после смерти Симона на вопросы, что бы он хотел посмотреть и кого погосетить, неизменно отвечал: «Кутейщиковых и Кострицыных, остальное потом».

Возлюбленная и сообщница

Так дон Жоржи назвал свою жену Зелию в посвящении ей своего автобиографического романа «Каботажное плавание». С Зелией, итальянкой по происхождению, Амаду познакомился в 45-м. Увидел и сказал: она будет моей женой. А спустя годы написал: «Я расшибся в лепешку, и через 3 месяца она пришла ко мне. Мы недавно отметили 50-летие той ночи, когда она легла ко мне в постель». И хотя в одной из частных бесед с Кострицыной Зелия признавалась, что жизнь с Амаду — не сахар, добавляла: «Но уж такого его природа, против нее не поперешь».

Однажды, в 52-м, Амаду приехал в Москву — его тогда как раз готовили к получению Сталинской премии — в составе большой латиноамериканской делегации. Гостей отправили в месячное турне по Армении и Грузии. Среди них была красивая и знаменитая актриса. Амаду закрутил роман, скомандовал переводчице отвечать на все требования и вопросы «мы отдыхаем» и велел не беспокоить.

У Зелии и Жоржи было двое детей — Палома (названная так в честь Пикассо, по-бразильски означает голубка) и Жоан. В 53-м году после конгресса матерей, проходившего в Дании, Марина Кострицына везла в Москву большую группу делегатов. Среди них была Роза Амаду, дочь дон Жоржи от первого брака. Она так волновалась перед встречей с советской землей, что помутилась рассудком.

Однажды дети сказали Зелии: «Мама, ты так много знаешь, с такими людьми общалась, напиши об этом. Для нас». Зелия попробовала и... пошло-поехало. Из письма от 14 июня 80-го года: «...дети растут, жизнь проходит, а дружба наша все крепче и расширяется. (...) У меня уже 5 внуков: у Палома две девочки, у Жоана три мальчика. Так что мы, дав такое потомство, хорошо обслужили человечество. Внуки очаровательные, очень умные и ласковые со мной и делом. Жоржи, как всегда, работает. Надеюсь, что эта новая книга будет иметь большой успех. Я тоже пустилась в написание книг и сейчас пишу об итальянской эмиграции в Сан-Паулу, какие они были анархисты. В их рядах были мои бабушки-дедушки и родители, так что тема мне очень близка». Роман вышел под названием «Анархисты Божьей милостью». А уже в 89-м Амаду со смехом рассказывал, как на какой-то презентации Зелии его спросили: «А вы, собственно, кто?» И как он рад был ответить: «Я — муж писательницы».

Человек не из железа

С 48-го по 67-й год Амаду побывал в СССР целых 12 раз. А после 67-го приезжал лишь однажды — в 89-м. Тогда агентство «Новости» учредило премию имени Пабло Неруды для латиноамериканских писателей. Кутейщикова предложила награждать Амаду. Другие засомневались: а придет ли? А то вручать заочно — только терять премиальный престиж. «Он придет», — уверенно ответила Вера Кутейщикова. Она знала, как Амаду легок на подъем. Из письма Амаду Кострицыным от 11 апреля 95-го года: «Меня очаровала мысль о том, что и Таня и Алена (дочери Марины Кострицыной — Ю.Ч.) хотят работать над моими книгами. Я прислал книжки, новые издания, с предисловиями, из которых они могут много чего почерпнуть. Мы уже целую неделю находимся в Париже, приехав сюда из Испании и Португалии. Мы выехали из Бразилии в начале марта, парохомом, в компании Палома и ее мужа. Сначала поплыли в направлении Лиссабона, там Палома должна была презентовать свою книгу «Кухня баянская Жоржи Амаду». Палома проделала небольшое исследование в этом отношении и написала очень интересно, ведь баянские блюды мои персонажи едят постоянно. Все было замечательно, и приняли нас хорошо. Из Португалии мы проследовали в Мадрид и Барселону, где была презентация испанского издания «Каботажное плавание» и «Открытие Америки турками». Так что надо сказать, что это было путешествие-марафон. Потом — вернулись в Париж, где получили ваше письмо и где я прошел необходимые медицинские обследования, связанные с глазами. Когда все будет закончено, мы поедем в Италию, а именно на Сицилию, где я получу премию имени Брокатти, отсюда — в Лиссабон, где президенты Бразилии и Португалии вручат мне премию Камозаса. Будет все очень торжественно, но что делать? Из Лиссабона мы вернемся в Италию, где почетный доктор получит премию в университете, и поедем на праздник в Венецию. Оттуда в Париж, чтобы немножко отдохнуть. Как говорят в Бразилии, никто не сделан из железа».

Тогда, в 89-м, Москва угощала дон Жоржи... Юрием Норштейном. Договорились о том, чтобы показать бразильцу «Сказку сказок» и готовые эпизоды «Шинели» (все, как известно; вышли из «Шинели» Гоголя, один Норштейн в ней засрыл). Амаду очень понравилось, он даже сетовал, что эти фильмы не видели в Бразилии: имели бы большой успех.

В тот приезд у Амаду болели глаза. В гостях у Кострицыных был включен телевизор, передавали сеанс Кашпировского. Наученный Мариной, дон Жоржи поклялся высидеть все положенные пасы, а потом даже продолжил «лечение» перед гостиничным телевизором. Он верил во всякого рода целителей, как верил в привычные для его родины религиозные обряды, родившиеся еще в Африке.

В 68-м, когда погиб Борис Кострицын, его вдова получила письмо: «Дорогая Марина, я только что узнал из журналов Рио ужасное сообщение о гибели нашего дорогого Бориса. Погибшего в автомобильной катастрофе. В эти часы слова ничего не значат. Как тебя утешить? Как разделить твою горе, горе Тани и Алены? Как с тобой разделить нашу боль в этот час горя и утраты?» А за письмом пришло приглашение приехать в Бразилию отдохнуть за счет Амаду. Ничего не вышло, но Кострицына все-таки поехала в Рио, переводчиком при балетной труппе. Амаду тогда сказал: возьми 4 — 5 человек, и мой сын Жоан ответит вас на макуму — танец-радение в честь святых. Тебе поможет».

Мое послание — надежда

Больше всего Жоржи Амаду любил Рабле, Сервантеса и Диккенса. Из наших — Гоголя и Горького. Первого за форму, второго за содержание. Он писал о себе: «Я не Джеймс Джойс, я антиэллитарен. Я пишу народным языком, народ в моих произведениях всегда в чести. Мое послание — надежда, а не отчаяние». Книги Амаду переведены на 48 языков и изданы в 50 странах общим тиражом 80 млн экземпляров. Организованный в Салвадоре фонд его имени не так давно прислал в Москву письма с просьбой выслать некоторые первые издания романов, не сохранившиеся в Бразилии. Книжки уже отосланы.

Юнна ЧУПРИНА